

Изъ воспоминаній бывшаго грузинскаго губернатора князя Н. О. Палавандова.

Князь Николай Осиповичъ Палавандовъ состоялъ на службѣ при бывшемъ главнокомандующемъ въ Грузіи князѣ Цициановѣ еще въ 1804 году. При преемникахъ его князь Палавандовъ пользовался большимъ ихъ довѣріемъ. Онъ былъ посланъ въ 1812 году курьеромъ съ донесеніемъ Императору Александру I о взятіи Ленкорани и присоединеніи всего ленкоранскаго и талышинскаго ханства къ имперіи. Тогда Государь и побѣдоносныя войска наши находились уже за-границею, преслѣдуя Наполеона. Поэтому князь Палавандовъ поѣхалъ вслѣдъ за арміею и удостоился поднести Императору бумаги уже за-границею. Онъ остался при арміи и вмѣстѣ съ нею вступилъ въ Парижъ.

Князь Палавандовъ былъ высокаго роста, имѣлъ видъ важный, внушалъ къ себѣ общее уваженіе. Это былъ, кажется, первый изъ грузинъ, который тогда (въ 1801 г.) выучился говорить по-русски и при томъ былъ самоучкою. Обладая громадною памятью, онъ много читалъ, говорилъ замѣчательно краснорѣчиво и съ логическою послѣдовательностью. Хорошо зная Кавказъ и мѣстныя условія его, онъ постоянно являлся совѣтникомъ главноуправлявшихъ краемъ, въ томъ числѣ генерала Ермолова, фельдмаршала графа Паскевича-Эриванскаго, а затѣмъ генерала барона Розена. Помимо того, онъ пользовался большимъ довѣріемъ тогдашнихъ владѣтельныхъ князей, помѣщиковъ и хановъ какъ въ Грузіи, Имеретіи, Гуріи, Мингреліи

и Абхазіи, такъ и въ мусульманскихъ провинціяхъ. Такимъ образомъ, кн. Палавандовъ служилъ проводникомъ многихъ мѣропріятій, которыя тогда предпринимались въ краѣ по управленію, и участвовать въ сношеніяхъ съ тогдашними владѣтелями и вліятельными князьями и ханами. Фельдмаршалъ графъ Паскевичъ братья князя Палавандова весьма часто съ собою въ походъ и пользовался его совѣтами о порядкѣ управления завоеванными областями, въ особенности во время турецкой кампаніи 1828—1829 гг. Преемникъ фельдмаршала, генералъ баронъ Розентъ, чловѣкъ замѣчательнаго ума, чрезвычайно уважалъ кн. Палавандова и постоянно совѣщался съ нимъ по дѣламъ управленія Кавказомъ и Закавказьемъ, въ особенности же по дѣламъ Имеретіи, Гуріи, Мингреліи, Абхазіи, Сванетіи и страны черкесовъ, равно какъ и недавно передъ тѣмъ (въ 1827—1829 гг.) присоединенныхъ отъ Персіи и Турціи къ Россіи Армянской области и Ахалцхскаго пашалыка.

Назначивъ кн. Палавандова грузинскимъ губернаторомъ, баронъ Розентъ занялся самъ другими областями края. Довѣріе его къ кн. Палавандову простиралось до того, что по случаю временнаго отъѣзда его въ Петербургъ онъ до возвращенія, съ Высочайшаго повелѣнія, передалъ ему главное управленіе Грузіею и Закавказскимъ краемъ. Послѣ увольненія барона Розена, кн. Палавандовъ самъ не захотѣлъ уже остаться на службѣ и при преемникахъ барона, генералахъ Головинѣ и Нейдгардтѣ жилъ большею частью въ деревнѣ Табахмелѣ. По прѣѣздѣ на Кавказъ князя Воронцова, намѣстникомъ кавказскимъ, онъ опредѣлили князя Палавандова членомъ совѣта главнаго своего управленія. Онъ зналъ его еще въ 1804 году, когда Палавандовъ находился при тогдашнемъ главнокомандующемъ въ Грузіи князѣ Циціановѣ, при которомъ кн. Воронцовъ состоялъ адъютантомъ, и въ 1813 году возобновилъ знакомство, когда кн. Палавандовъ былъ въ арміи, во Франціи, гдѣ кн. Воронцовъ командовалъ уже корпусомъ.

Въ качествѣ опекуна надъ своими дѣтьми, кн. Палавандовъ, очень часто обращался ко мнѣ по дѣламъ ихъ имѣнія въ Тифлисскомъ уѣздѣ, гдѣ во все время пребыванія кн. Воронцова на Кавказѣ намѣстникомъ я служилъ помощникомъ уѣзднаго начальника; поэтому мнѣ приходилось часто посѣщать его, причемъ онъ охотно разказывалъ о своей прежней служебной жизни. Однажды послѣ нѣкоторыхъ моихъ замѣчаній на счетъ Гуріи, гдѣ въ послѣднее время служилъ я предъ перемѣщеніемъ моимъ въ Тифлисскій уѣздъ, князь сталъ особенно разговорчивъ.

„Послѣдній владѣтель Гуріи князь Мамія Гуріель, началъ кн. Патавандовъ, былъ очень преданъ нашему правительству и потому пользовался большимъ вниманіемъ бывшаго главнокомандующаго Алексѣя Петровича Ермолова. По смерти кн. Маміи, въ Гуріи начались смуты, причиною которыхъ были интриги существовавшей тамъ турецкой партіи, которая пользовалась тайнымъ покровительствомъ Порты. Генераль Ермоловъ приказалъ управлявшему тогда Имеретією (нынѣ Кутаисская губернія) генералу кн. Горчакову отпавить командира находившагося тогда въ Кутаисѣ пѣхотнаго полка полковника князь Бебутова (впослѣдствіи начальника гражданскаго управленія Закавказскаго края и командующаго войсками въ Азіатской Турціи въ Восточную войну 1853—1854 г.) въ Гурію узнать о причинахъ безпорядковъ, стараться успокоить владѣтельницу Гуріи вдову Маміи княгиню Софію и объявить ей, что впредь до совершеннолѣтія наслѣдника ея сына, молодого кн. Давида, она, какъ владѣтельница, назначена предсѣдательницею учрежденнаго тогда при ней совѣта для управленія Гурією. Совѣтъ состоялъ изъ вліятельнѣйшихъ князей Гуріи и владѣтельница повидимому была довольна первоначальными объясненіями кн. Бебутова. Несмотря на тайныя интриги Турціи, владѣвшей въ то время Батумомъ и половиною прежней Гуріи, владѣтельница, равно и окружавшія ее лица свято держались завѣта кн. Маміи и не отступали отъ данной присяги быть вѣрными Россіи. Но увлекшись интригами нѣкоторыхъ гурійскихъ князей, кн. Бебутовъ невольно поддался имъ и сталъ требовать, чтобы владѣтельница лично, безъ согласія совѣта, ничего не предпринимала, не распоряжалась и чтобы по всѣмъ дѣламъ ожидала предписаній начальства, ибо въ противномъ случаѣ она можетъ быть выслана съ своими дѣтьми изъ края въ Россію до совершеннолѣтія наслѣдника. Такимъ же образомъ онъ грозилъ и окружавшимъ ее князьямъ, изъ коихъ многіе, какъ, напримѣръ, князья Накапидзе, были преданы нашему правительству. Это произвело тамъ волненіе, которое при тайныхъ интригахъ и подстрекательствахъ Турціи, могло отозваться не хорошо при тогдашнихъ отношеніяхъ Россіи къ Персіи и Турціи.

Князь Горчаковъ немедленно донесъ обо всемъ главнокомандующему Ермолову, который, разсердившись на кн. Бебутова, приказалъ князю Горчакову немедленно вытребовать его изъ Гуріи, и мнѣ велѣтъ отпавиться туда, успокоить владѣтельницу Софію и произвести дознаніе о дѣйствіяхъ кн. Бебутова. Владѣтельница, равно и многіе изъ князей, съ которыми я былъ хоро-

шо знакомъ во время прежнихъ прїѣздовъ покойнаго владѣтеля Маміи въ Тифлисъ, были очень рады, когда я прїѣхалъ въ Гурію. Я успокоилъ владѣтельницу, объяснивъ ей, согласно данной мнѣ инструкціи, всѣ выгоды ея положенія, объявилъ ей о покровительствѣ Россіи и о царскихъ милостяхъ, пожалованныхъ Гуріи и ея наслѣднику, крестнику Государя, кн. Давиду, котораго разлучить съ нею никто не думаетъ, и проч. Успокоивъ все въ Гуріи, я выѣхалъ въ Тифлисъ чрезъ Кутансъ, гдѣ видѣлся съ кн. Бебутовымъ и управлявшимъ Имеретіей генераломъ кн. Горчаковымъ, которымъ обстоятельно сообщилъ о томъ, какъ мнѣ удалось водворить спокойствіе въ Гуріи. Къ сожалѣнію, внослѣдствіи, въ началѣ турецкой кампаніи 1828 г., владѣтельницу Гуріи все таки сбили съ толку турецкія интриги и съ единомышленниками своими, измѣнивъ Россіи, бросивъ родную страну, они бѣжали въ Турцію; тогда кн. Бебутовъ опять отправился въ Гурію, дабы успокоить волненіе, забрать имущество владѣтеля въ казну и возстановить порядокъ.

Вы уже знаете, —продолжалъ князь Палавандовъ,—что при главноуправлявшемъ Грузіей Головинѣ я былъ въ отставкѣ и жилъ въ деревнѣ Табахмелѣ... Весьма рѣдко прїѣзжалъ я въ Тифлисъ и не любилъ встрѣчаться съ людьми, которые возвысились разными происками при прежнихъ главноуправлявшихъ Ермоловѣ, графѣ Паскевичѣ и баронѣ Розенѣ. При генералѣ Головинѣ дѣла вершались сенаторомъ барономъ Ганомъ, подъ вліяніемъ котораго онъ находился съ прїѣзда барона въ Грузію, т. е. почти съ 1838 года. Въ 1840 году было Высочайше утверждено положеніе о преобразованіи гражданскаго управленія Закавказскимъ краемъ и оно введено въ дѣйствіе съ января 1841 года. Ломка прежнихъ закавказскихъ учреждений, къ которымъ привыкло населеніе со времени открытія здѣсь русскихъ правительственныхъ учреждений, безпрерывное увольненіе прежнихъ чиновниковъ, штабъ и оберъ-офицеровъ, отъ должностей по всему краю и опредѣленіе новыхъ, вызванныхъ изъ Россіи, пошло такъ быстро, что это лихорадочное движеніе произвело во многихъ провинціяхъ нашихъ безпорядки, вызвавши даже мятежи, въ Гуріи, Карабахѣ, Кубѣ и пр. До этого времени тамошнее населеніе жило чрезвычайно спокойно, оставаясь вѣрнымъ правительству и отправляя службу во всѣхъ экспедиціяхъ и походахъ противъ горцевъ, персіанъ и турокъ.

Сенаторъ Ганъ составилъ записку и однимъ почеркомъ пера хотѣлъ уничтожить дворянское сословіе въ Грузіи и Имеретіи, а равно въ мусульманскихъ провинціяхъ. Онъ завѣрялъ

правительство, что въ Грузіи и Имеретіи не было дворянства, а у мусульманъ и подавно, что крѣпостное состояніе создано искусственно здѣшними помѣщиками только послѣ присоединенія къ Россіи, что крѣпостного права будто не бывало при царяхъ грузинскихъ и имеретинскихъ и что въ виду составленныхъ во времена главноуправляющаго генерала Ртищева какими-то неблагонамѣренными людьми фальшивыхъ документовъ нельзя было отличить отъ нихъ дѣйствительныя грамоты царей грузинскихъ и имеретинскихъ и владѣтельнаго князя Гуріи. Баронъ Ганъ и съ нимъ вмѣстѣ главноуправлявшій Грузіею Головинъ полагали не признавать никакихъ грамотъ бывшихъ царей и владѣтелей дѣйствительными и предоставить каждому отыскивать права свои на дворянство и на недвижимыя имѣнія документами, установленными русскимъ правительствомъ. Вслѣдствіе этого въ 1841 году были даны предписанія тифлисской и шемахинской палатамъ уголовного и гражданскаго суда и уѣзднымъ судамъ Грузино-Имеретинской губерніи и Шемахинской области (нынѣ Тифлисская, Кутаисская, Елисаветпольская, Эриванская и Бакинская губерніи) не совершать никакихъ крѣпостныхъ актовъ отъ имени здѣшнихъ помѣщиковъ, дворянъ и князей на закладъ, продажу, куплю крестьянъ и вообще на переходъ населенныхъ недвижимыхъ имѣній. Это распоряженіе, не оставшееся въ секретѣ, и возбудило неудовольствіе помѣщиковъ. Но грузинскій губернскій предводитель дворянства генералъ-лейтенантъ князь Д. О. Орбелиани тотчасъ-же представилъ всеподданнѣйшую жалобу Государю Императору, въ которой докладывалъ, между прочимъ, что помышляя посягнуть на вѣковыя права грузинскаго и имеретинскаго дворянства, подтвержденныя трактатомъ Императрицы Екатерины съ грузинскимъ царемъ Иракліемъ 1783 года и манифестами Императоровъ Павла и Александра I, главноуправлявшій генералъ Головинъ, подъ вліяніемъ сенатора барона Гана, можетъ вызвать смуты среди преданнаго Россіи грузинскаго и имеретинскаго дворянства. Тогда же дѣломъ вспыхнули бунты въ Гуріи, куда пришлось послать войска для усмиренія. Затѣмъ въ началѣ 1842 года получено было извѣстіе о пріѣздѣ, по Высочайшему повелѣнію, военнаго министра князя Чернышева для обозрѣнія Закавказскаго края. Онъ нашелъ край не такимъ, какимъ представляли его генералъ Головинъ и сенаторъ Ганъ. Съ княземъ Чернышевымъ пріѣхалъ сюда статсъ-секретарь Позенъ, человекъ необыкновеннаго ума и дарованій. Онъ подробно ревизовалъ всѣ учрежденія закавказскія какъ въ Тифлисѣ, такъ и въ уѣздахъ, вникая во всѣ подробности поло-

женія дѣлъ и страны. Это было въ июлѣ, августѣ и сентябрѣ 1842 года. Результатомъ ревизіи было увольненіе генерала Головина отъ должности и назначеніе на его мѣсто главноуправляющимъ генерала Нейдгардта, человека умнаго, дѣятельнаго, строгаго, справедливаго и благонамѣреннаго. Пріѣзда его ждали въ Тифлисѣ съ нетерпѣніемъ. Въ началѣ 1843 года, онъ приступилъ къ обозрѣнію края, желая поближе познакомиться съ нимъ; ближайшимъ слѣдствіемъ этого знакомства была высылка изъ Закавказья многихъ чиновниковъ.

Въ это время пріѣхалъ ко мнѣ въ деревню мой управляющій Хечо и разсказать, что обо мнѣ нѣсколько разъ спрашивать новый главноуправляющій и что адъютантъ его справлялся, когда я пріѣду въ Тифлисѣ. Полагая, что мнѣ слѣдовало-бы представиться новому начальнику края, тѣмъ болѣе, что онъ самъ справлялся обо мнѣ, я пріѣхалъ въ Тифлисѣ, и, каково было мое удивленіе, когда на другой-же день адъютантъ его пришелъ ко мнѣ и передалъ, что генералъ Нейдгардтъ просилъ меня быть у него, если это не затруднитъ меня и что въ противномъ случаѣ онъ будетъ у меня самъ. Я, разумѣется, поблагодарилъ за высокое ко мнѣ вниманіе и сказалъ, что завтра-же представляюсь главноуправляющему. Онъ чрезвычайно хорошо принялъ меня, сказавъ, что надѣется почаще видѣться со мною и тому подобное. Я поблагодарилъ и мы разстались. На другой день онъ навѣститъ меня и поблагодаритъ за то, что я для него пріѣхалъ въ Тифлисѣ.

Само собою разумѣется, я былъ очень польщенъ такимъ вниманіемъ, особенно послѣ тѣхъ непріятностей, которыя я испытать отъ сенатора Гана и бывшаго главноуправляющаго Головина. Въ Тифлисѣ пошли разные толки. Визитъ генерала Нейдгардта, новаго главноуправляющаго, былъ предметомъ догадокъ, и недоумѣній со стороны городскихъ сплетниковъ, которые добивались узнать причину такого вниманія ко мнѣ новаго начальника края. Я и самъ, признаться, еще не знаю ея, хотя онъ и сказалъ, что хочетъ просить меня по одному дѣлу и надѣется, что я не откажусь къ нему придти, если онъ попроситъ меня надвинуть къ себѣ.

Я ждалъ. Наконецъ, получаю записку, имъ самимъ писанную, съ просьбой пожаловать къ нему въ семь часовъ вечера. Я поѣхалъ. Никого у главноуправляющаго, кромѣ дежурнаго чиновника и адъютанта, въ дежурной комнатѣ не было. Генералъ былъ въ кабинетѣ, куда я по указанію адъютанта вошелъ. Нейдгардтъ встрѣтилъ меня у дверей чрезвычайно вѣжливо

и радужно, заперъ двери кабинета и мы ушлись около стола.

„Знаете-ли, князь,—сказалъ онъ мнѣ,—я имѣю къ вамъ просьбу по одному важному дѣлу, которое касается дворянства всей Грузіи и Имеретіи, и вообще всего здѣшняго края. Я никому, кромѣ васъ, не хочу довѣриться и полагаюсь на васъ, что вы мнѣ поможете въ этомъ дѣлѣ. Вотъ что: по мнѣнію сенатора Гана, съ которымъ согласился и генераль Головинъ, здѣсь будто не существовало дворянства и что вслѣдствіе этого не могло существовать и крѣпостного права. Титулы дворянскіе и вообще крестьяне, въ такомъ видѣ, какъ они теперь находятся, будто-бы созданы только при нашемъ правительствѣ и что ихъ не было прежде при царяхъ грузинскихъ и имеретинскихъ. Въ такомъ видѣ и была представлена подробная записка генерала Головина и сенатора Гана, которую потомъ передали мнѣ для тщательной провѣрки на мѣстѣ съ тѣмъ, чтобы я представилъ ее обратно съ моимъ заключеніемъ. Но признаюсь, князь, сколько не наблюдать здѣсь, въ Имеретіи, въ Кутаисѣ, я пришелъ къ противоположному мнѣнію. По моему, существованіе здѣшнихъ царей, извѣстныхъ еще во времена византійской имперіи, немислимо было безъ высшаго класса людей, безъ сословія дворянъ. Въ мои поѣздки по краю я лично убѣдился, что всѣ тѣ князья и дворяне, т. е. здѣшніе тавады и азнауры, которые представлялись мнѣ, дѣйствительно отличались отъ простолюдиновъ и маперамъ, и пріемами, и потому я совершенно не понимаю, почему сенаторъ Ганъ и генераль Головинъ могли преслѣдовать невѣрную идею, что здѣсь дворянства не могло быть. Я не могу согласиться съ ними по совѣсти; я не хочу быть виновникомъ несчастія цѣлаго здѣшняго дворянскаго сословія, которое можетъ быть очень древняго происхожденія, виновникомъ тѣхъ бѣдствій и потрясеній, которыя могутъ явиться неизбежнымъ послѣдствіемъ невѣрнаго шага правительства, виновникомъ появленія массы недовольныхъ и озлобленныхъ, еще недавно бывшихъ вѣрными Россіи грузинскихъ и имеретинскихъ дворянъ, доказавшихъ преданность престолу своему кровью. Вотъ все, что я хотѣлъ сообщить вамъ, князь. Въ этомъ дѣлѣ я жду вашей помощи. Я человѣкъ новый, не вполне знакомъ съ краемъ и еще меньше съ прошедшею жизнью и его исторіею. Я не могу никого спросить и не могу рыться въ архивахъ, чтобы не вызвать толковъ. Подобныя попытки, вы знаете, возбуждаютъ въ народѣ почти всегда ложные толки и вмѣсто пользы, которую желать-бы я оказать дворянству, я боюсь, чтобы мои по-

пытки не были приняты въ дурную сторону. Я много слышалъ о васъ отъ Алексѣя Петровича Ермолова, отъ Николая Николаевича Муравьева и отъ барона Розена. Я довѣряю вамъ, князь. Всѣ бумаги по этому дѣлу, прошу васъ, прочтите и дайте мнѣ возможность возстановить правду. Я тогда успокою свою совѣсть, которая каждый разъ возмущалась, когда я принимался за это дѣло какъ въ Петербургѣ, такъ и здѣсь, въ виду тѣхъ несчастныхъ послѣдствій, которыя могли-бы имѣть мѣсто, если-бы въ Петербургѣ согласились съ Головиннымъ и барономъ Гапомъ, не передавая этого дѣла на мое заключеніе. Я удивляюсь ихъ одностороннему знакомству съ Закавказскимъ краемъ и интересами населенія здѣшнихъ племенъ, исторически связанныхъ съ грузинскимъ и имеретинскимъ дворянствомъ. Неужели они не знали ничего о постоянныхъ войнахъ нашихъ съ горцами, не знали прежнихъ отношеній грузинъ и имеретинъ къ Дагестану, Персіи, Турціи, абхазцамъ и черкесамъ. Этотъ невѣрный шагъ сенатора Гана и Головина отозвался-бы, быть можетъ, повсемѣстнымъ потрясеніемъ, которое пришлось-бы усмирять цѣлымъ рядомъ кровопролитій, во вредъ интересамъ самого правительства. Не повѣрите, князь, какъ я тревожился, когда вдавался въ подробности тѣхъ случайностей и будущихъ событій, которыя могли-бы найти себѣ мѣсто въ краѣ, гдѣ грузинское дворянство способствовало водворенію русскаго владычества на прочныхъ началахъ и гдѣ это владычество совершенно понапрасну могло-бы подвергнуться случайностямъ невѣрнаго шага, который пришлось-бы оплакивать и который поправить было-бы очень трудно. Повторяю, я не могу понять причины такого дѣйствія Гана, тѣмъ болѣе, что въ кругъ возложеннаго на него порученія даже не входило изслѣдованіе о происхожденіи грузинскихъ дворянъ.“

Я слушалъ со вниманіемъ генерала Нейдгардта, продолжалъ князь Палавановъ, мнѣ было чрезвычайно пріятно видѣть въ немъ такого гуманнаго и осторожнаго правителя края и я въ душѣ поздравлялъ Грузію и Кавказъ съ отмѣннымъ, умнымъ и образованнымъ главноуправляющимъ. Я доложилъ ему, что исполню его просьбу немедленно и, взявъ всѣ бумаги, пошелъ къ себѣ домой. Никто и ничего не зналъ объ этомъ. Я никому не говорилъ да и вообще не любилъ принимать у себя часто, тѣмъ болѣе, что и знакомые, прежніе сослуживцы мои, какъ я замѣчалъ, старались держать себя дальше отъ меня и какъ бы стѣснялись меня. Я прочелъ все дѣло и записку сенатора Гана,

предлагавшаго отмѣнить крѣпостное право въ Грузіи и Имеретіи, завѣряя, что его, до прихода русскихъ, въ Закавказскомъ краѣ и въ мусульманскихъ провинціяхъ не существовало, что зависимость поселянъ была только поземельная и что, наконецъ, здѣсь и дворянства, и дворянскихъ титуловъ никогда не бывало.

Я составилъ записку, въ которой изложилъ подробно весь историческій ходъ сношеній грузинскихъ, имеретинскихъ и закавказскихъ владѣтелей съ царями московскими и затѣмъ съ русскимъ правительствомъ со временъ Петра Великаго; объяснилъ содержаніе трактата, заключеннаго грузинскимъ царемъ Иракліемъ съ Императрицею Екатериною въ 1783 году, подробности присяги послѣдняго грузинскаго царя Георгія въ 1799 году и имеретинскаго царя Соломона II въ 1804 году. На присяжныхъ листахъ этихъ царей подписались вмѣстѣ съ ними именитые князья того времени въ вѣрности Россійскому престолу. Упомянулъ о манифестахъ Императора Павла и Императора Александра I 1800 и 1801 гг., но которыми Грузія была принята въ подданство Россіи; объяснилъ, что по трактату 1783 года грузинскіе тавады и азнауры, поименованные въ немъ по фамиліямъ, признаны были Императрицею наравнѣ съ русскими князьями и дворянами въ одинаковыхъ правахъ и преимуществахъ съ русскими; крестьяне же существовали у насъ издревле въ томъ видѣ, въ какомъ застало ихъ русское правительство, что подтверждается письменными грузинскими законами царя Вахтанга, которыми руководствовались какъ при царяхъ грузинскихъ и имеретинскихъ, такъ и при русскомъ правительствѣ въ судебныхъ и административныхъ мѣстахъ здѣшнихъ. Сверхъ того я объяснилъ, что подписавшіеся на присяжныхъ листахъ грузинскаго царя Гергія и имеретинскаго царя Соломона именитые вельможи царскіе приняты были торжественно Россіею въ званіи князей, при провозглашеніи присоединенія Грузіи и Имеретіи къ имперіи; слѣдовательно, все это не могло быть изобрѣтеніемъ позднѣйшаго времени, созданнымъ при главноуправлявшихъ въ Грузіи. Все то, что было мною изложено въ запискѣ, подтверждено было мною ссылками на архивныя дѣла министерства иностранной коллегіи, правительствующаго сената, министерства внутреннихъ дѣлъ, канцеляріи главноуправляющихъ (главнаго управленія и штаба кавказскаго корпуса). Записку эту я читалъ генералу Нейдгардту, объяснилъ многое на словахъ и затѣмъ передалъ ему все дѣло.

Видно было, что ему было очень пріятно точное и положительное опроверженіе мнѣній сенатора Гана и генерала Голови-

на. Я не хотѣлъ привести доказательства изъ исторіи Грузіи и Имеретіи и изъ грузинскихъ документовъ, сказалъ я генералу Нейдгардту, въ Петербургѣ могли бы усумниться въ дѣйствительности этихъ историческихъ данныхъ, потому что они писаны по-грузински, не переведены на русскій языкъ и неизвѣстны въ Россіи; поэтому я указываю на официальные документы и дѣла самого правительства нашего, находящіеся въ архивахъ министерствъ и правительствующаго сената, а также на дѣла канцелярій главноуправляющихъ и корпуснаго штаба. Не можетъ быть сомнѣнія въ документахъ и официальной перепискѣ нашего правительства.

„Ну, князь, отъ души вамъ благодаренъ, сказалъ мнѣ Нейдгардтъ, — взявъ меня за руки. Очень, очень благодаренъ; вы весьма многое дѣлаете не только для дѣшнлаго дворянскаго сословія, но вы избавляете меня отъ тяжкаго грѣха, если бы я, по невѣдѣнію моему, согласился бы съ мнѣніемъ Головина и Гана и стать бы невольною причиною несчастья многихъ семействъ. Очень радъ, что вы успокоили меня и дали мнѣ возможность опровергнуть мнѣнія Гана и Головина. Намъ надо успокоить дворянство Грузіи и Имеретіи скорѣйшимъ признаніемъ ихъ правъ и не тянуть этого дѣла формальностями депутатскихъ собраній и герольдіи, которыхъ дѣшніе князья и дворяне не понимаютъ и которыя разорительны для нихъ. Надо будетъ разборъ ихъ личныхъ правъ и утвержденіе въ ихъ званіяхъ передать въ особую комиссію, помимо депутатскихъ собраній и герольдіи, и тѣмъ отвратить справедливый ропотъ на насъ дѣшнихъ дворянъ и князей, въ особенности имеретинскихъ и гурійскихъ“.

Послѣ этого я подалъ еще другую записку генералу Нейдгардту, продолжать кн. Палавандовъ, предлагать учредить двѣ комиссіи въ Тифлисѣ изъ грузинъ, утвержденныхъ уже въ дворянствѣ герольдіею, и въ Кутаисѣ изъ тѣхъ князей [тавадовъ] имеретинскихъ и гурійскихъ, которые подписались на присяжныхъ листахъ вмѣстѣ съ имеретинскимъ царемъ Соломономъ и владѣтелемъ Гуріи Маміа на подданство Россіи. Эти князья были еще живы. При этомъ я объяснилъ генералу Нейдгардту, что такъ какъ по этимъ присяжнымъ листамъ, т. е. государственнымъ актамъ, правительство наше признало ихъ тогда же въ достоинствѣ тавадовъ или князей, то слѣдовало-бы теперь-же признать ихъ въ этомъ достоинствѣ для того, чтобы они, какъ утвержденные въ дворянствѣ, засѣдали въ комиссіи въ Кутаисѣ.

Генераль Нейдгардтъ все дѣло со своимъ заключеніемъ

представить военному министру кн. Чернышеву, объяснивъ, между прочимъ, что въ совершенной неправомерности доводовъ сенатора Гана и генерала Головина, независимо отъ официальныхъ данныхъ, убѣдился лично при подробномъ и обстоятельномъ изученіи края и мѣстныхъ обстоятельствъ народной жизни во время обзорѣннй имъ какъ Грузіи и Имеретин, такъ и всего остального края.

Въ концѣ 1844 года послѣ дѣтней экспедиціи въ Дагестанъ противъ горцевъ генералъ Нейдгардтъ былъ отозванъ отъ должности главноуправляющаго. На его мѣсто былъ назначенъ новороссійскій и бессарабскій генералъ-губернаторъ графъ Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ, не главноуправляющимъ Грузіею, а уже намѣстникомъ кавказскимъ, и ему-же были переданы на его окончательное заключеніе всѣ бумаги барона Гана, Головина и Нейдгардта.

Графъ Воронцовъ, вполнѣдствіи свѣтлѣйшій князь, который за сорокъ лѣтъ предъ тѣмъ, въ 1804 году, уже служилъ въ Грузіи еще молодымъ человекомъ, адъютантомъ при бывшемъ тогда главнокомандующемъ князѣ Цициановѣ, будучи самъ личнымъ свидѣтелемъ всего того, о чемъ генералъ Нейдгардтъ писалъ про здѣшнее дворянство, болѣе рѣзко отозвался противъ неправильныхъ и даже вымышленныхъ доводовъ барона Гана и генерала Головина, и въ видахъ успокоенія здѣшнихъ князей и дворянъ и удовлетворенія справедливаго ихъ ропота за долговременное ожиданіе разбора ихъ личныхъ правъ испросилъ Высочайшее повелѣніе о разборѣ этихъ правъ на облегчительныхъ основаніяхъ помимо затруднительныхъ формальностей и продолжительнаго производства чрезъ дворянскія депутатскія собранія и герольдію правительствующаго сената. Этими послѣдними учрежденіями, въ теченіе сорока пяти лѣтъ, утверждены были въ дворянствѣ всего только нѣсколько грузинскихъ фамилій, а дѣла остальныхъ въ громадномъ числѣ находились безъ всякаго движенія и вниманія, возбуждая неудовольствія дворянъ и князей, такъ какъ, не будучи утверждены въ дворянствѣ, они, въ особенности имеретинцы и гурійцы, и ихъ дѣти терпѣли большія затрудненія какъ по службѣ, такъ и по опредѣленію дѣтей въ учебныя заведенія. Здѣшнее учебное начальство не признавало за ними правъ на дворянское званіе, по закону присвоенныхъ впродолженіе до утвержденія ихъ въ дворянствѣ герольдіею. (Подобныя затрудненія встрѣчали еще болѣе родители высшаго сословія въ нашихъ мусульманскихъ провинціяхъ, члены бывшихъ ханскихъ владѣтельныхъ домовъ, беки и агы).

Дѣйствительно, при князѣ Воронцовѣ учреждены были двѣ комиссіи для разбора и признанія личныхъ правъ князей и дворянъ: одна—въ Тифлисѣ, для Тифлисской губерніи, а другая—въ Кутаисѣ, для Кутаисской губерніи. Въ каждой изъ нихъ находилось по 24 члена отъ мѣстнаго дворянства и по одному члену отъ правительства. Въ тифлисскую (центральную) комиссію переданы были изъ герольдіи и депутатскаго собранія всѣ дѣла о князьяхъ и дворянахъ, а въ кутаисскую комиссію только списки всѣмъ именованнымъ себѣ князьями и дворянами Имеретіи и Гуріи. По данной тѣмъ комиссіямъ инструкціи единогласный отзывъ членовъ комиссіи или двухъ третей ихъ быть достаточно для признанія фамиліи въ дворянствѣ. Дѣла дворянъ и князей, которыхъ вся комиссія или двѣ трети членовъ не признавали въ дворянствѣ, передавались въ уѣздныя комиссіи, состоявшія подъ предѣлательствомъ уѣзднаго предводителя дворянства изъ двухъ членовъ, помощника уѣзднаго начальника и уѣзднаго прокурора, для производства о тѣхъ дворянахъ дознанія чрезъ спросъ 24-хъ свидѣтелей-старожиловъ. Свидѣтели эти должны были подъ присягою удостовѣрить*), что отецъ, дѣдъ и предки просителя и онъ самъ всегда пользовались дворянскимъ, либо княжескимъ достоинствомъ какъ при бывшихъ царяхъ, такъ и во время русскаго владычества. Дознаніе это уѣздная комиссія представляла въ сказанную выше губернскую центральную комиссію, которая по особому протоколу опредѣляла признаніе въ дворянскомъ или княжескомъ достоинствѣ. Составленные обѣими центральными комиссіями, тифлисскою и кутаисскою, именныя списки изъ признанныхъ ими дворянскихъ и княжескихъ родовъ Тифлисской и Кутаисской губерній представлены были намѣстнику кавказскому князю Воронцову, по ходатайству котораго Государь Императоръ 6-го декабря 1850 года Высочайше утвердить соизволилъ всѣхъ поименованныхъ въ тѣхъ спискахъ лицъ Грузіи, Имеретіи и Гуріи въ княжескомъ и дворянскомъ достоинствахъ Россійской Имперіи, и дѣла объ нихъ передать въ герольдію правительствующаго сената для храненія на общемъ основаніи **).

*) Я тогда былъ членомъ тифлисской уѣздной комиссіи, по должности помощника уѣзднаго начальника, которую занимать въ уѣздѣ.

Л. И.

**) На тѣхъ же основаніяхъ учреждены были такъ называемыя агаларскія и бекскія комиссіи, которыя окончательно опредѣлили личные права высшаго мусульманскаго сословія въ Тифлисской, Елисаветпольской, Бакин-

Такимъ образомъ вопросъ о личныхъ правахъ дворянъ и князей Кутапской и Тифлисской губерній былъ благополучно разрѣшенъ по мудрому и благонамѣренному распоряженію князя Воронцова, не нарушивъ интересовъ ни правительства, ни дворянства и уничтоживъ неправильныя мнѣнія сенатора Гана и генерала Головина.

Затѣмъ по положенію о гражданскомъ управленіи Закавказскимъ краемъ 1840 года, введенному въ дѣйствіе сенаторомъ Ганомъ съ 1-го января 1841 года, представителями интересовъ населенія въ здѣшнихъ судебныхъ мѣстахъ назначены были по одному засѣдателю, по выборамъ, отъ городского либо купеческаго сословія и отъ сельскаго населенія. Они, въ качествѣ представителей отъ своихъ сословій, участвовали въ сужденіяхъ по производившимся въ судебныхъ мѣстахъ дѣламъ; но засѣдателей отъ дворянскаго сословія по тому же положенію, авторомъ котораго былъ сенаторъ Ганъ, не было. Между тѣмъ такіе засѣдатели отъ дворянскаго сословія находились и находятся во всѣхъ судахъ Россіи. Спрашивается, какъ надо было объяснить подобное исключеніе дворянскаго сословія здѣшняго отъ участія въ судебныхъ дѣлахъ, тогда какъ представители по выборамъ въ званіи совѣтниковъ и засѣдателей находились не только въ судебныхъ, но и во всѣхъ губернскихъ и уѣздныхъ присутственныхъ мѣстахъ Закавказскаго края съ самаго открытія здѣсь русскихъ правительственныхъ учрежденій, а именно съ 1801 до 1841 гг., т. е. до введенія положенія 1840 года. Подобнымъ исключеніемъ дворянскаго сословія сенаторъ Ганъ, говорятъ, думалъ оскорбить грузинскихъ и имеретинскихъ дворянъ и князей и вынудить ихъ чрезъ какое-либо движеніе требовать для себя тѣхъ-же правъ, которыя были предоставлены новымъ положеніемъ городскому сословію и сельскому населенію, т. е. значительно унижить наше дворянство. Не удалось, однако-же, ни сенатору, ни генералу Головину!—воскликнулъ князь Палавандовъ. Князья грузинскіе и имеретинскіе, одушевленные всегда до глубины сердца искреннею преданностью правительству и Государю Императору, не подозревали даже подобной „заграничной штуки“, которая годилась-бы за-границею гдѣ-нибудь въ Германіи. Князь Воронцовъ въ дополненіе положенія 1840 года исходатайствовалъ и устано-

ской и Эриванской губерніяхъ, и, утвердивъ въ дворянствѣ, правительство успокоило совершенно мусульманское высшее сословіе Закавказскаго края.

Л. Н.

вить назначать въ судебныя мѣста Закавказскаго края засѣдательей по выборамъ отъ дворянства въ Тифлисской и Кутаисской губерніяхъ, а въ мусульманскихъ провинціяхъ нашихъ (Елисаветпольской, Бакинской, Эриванской губерніяхъ и Дербентскомъ округѣ) отъ высшаго мусульманскаго сословія.

Я до сихъ поръ обо всемъ этомъ никому не говорилъ, добавивъ въ заключеніе кн. Палавандовъ. Я разсказать вамъ затѣмъ, что, можетъ быть, вы, въ свою очередь, разскажете это другимъ и такимъ путемъ многіе воздадутъ мнѣ должную справедливость“.

Я все время съ большимъ вниманіемъ слушалъ кн. Н. О. Палавандова, тѣмъ болѣе, что онъ былъ, вообще, не очень-то разговорчивъ и весьма рѣдко передавалъ интересные эпизоды изъ своей прежней служебной жизни.

Л. С. Исарловъ.